

УДК 101.1:316

**ЖИВЫЕ ПРИЗРАКИ РЕАЛЬНОГО:
К ВОПРОСУ О ПАРАДОКСАХ СОВРЕМЕННОСТИ***Л.В. Жигунина***Аннотация**

Статья посвящена исследованию механизма взаимной подмены статусов реального и виртуального в условиях общества постмодерна и обретения медиа статуса независимой реальности, хранительницы Реального. Предпринимается попытка взглянуть на проблему преодоления состояния отчуждения через призму понятия призрачности, которая осмысливается как нечто неиллюзорное в условиях реальной виртуальности повседневности. Автор приходит к выводу: выход из состояния зависимости от медиареальности, встреча с Реальным возможны только во внезнаковой области, то есть в состоянии постмедиа.

Ключевые слова: реальное, повседневная реальность, виртуальное, медиареальность, медиафилософия, призрак, Жак Деррида, Карл Маркс.

Медиафилософия – одна из наиболее перспективных маргинальных дисциплин современного философского знания. Как самостоятельная дисциплина медиафилософия возникает в тот момент, когда принимается факт: медиа – это больше чем медиум-посредник или техническое устройство, оно само есть символический жест – “the medium is the message” («медиум – это сообщение»), с точки зрения М. Маклюэна (см. [1]). По-видимому, канадский медиатеоретик указывает этим афоризмом на то, что, будучи вещами, медиа содержат в себе или указывают на некую символическую «прибавочную стоимость».

Та роль, которую сыграл статус самодостаточности медиа по отношению к человеку и технике в процессе возникновения и становления новой философской науки, признаётся всем медиафилософским сообществом. В частности, профессор Санкт-Петербургского университета В.В. Савчук отмечает: «Если первоначально за современными медиа закрепляется инструментальный статус – роль незаинтересованного посредника (будь то письмо, телефон, радио, компьютер), задача которого сообщать, не привнося ничего от себя... то в дальнейшем ситуация решительно меняется: медиа становятся не только самостоятельными, но и единственным, или, усилив тезис, онтологическим условием существования человека. Они... предстают всепоглощающей и всеохватывающей средой, то есть реальностью опыта и сознания» [2, с. 7]. В.В. Савчук объявляет медиа онтологическим условием существования человека. Невозможно пройти мимо такого громкого заявления, сделаем его отправной точкой наших дальнейших рассуждений.

На наш взгляд, обретение медиа статуса онтологического условия существования и символической «прибавочной стоимости» связано с тем, какие преобразования происходят здесь-и-сейчас в окружающей нас повседневной реальности. Социальная реальность повседневности виртуализируется, начинает работать полная абстракций реальная виртуальность общественных связей и отношений, а виртуальная реальность массмедиа, компьютерных технологий и Интернета «ореализуется», возникает гиперреальность симулякров, в которой ищутся аналоги трансценденции за пределы повседневности с целью обретения свободы и счастья, то есть встречи с Реальным. Таким образом, реальность массмедиа получает статус главенствующей по отношению к миру повседневности по причине того, что именно массмедиа играют в современном обществе роль производителей Реального, и таким статусом их наделили все мы, потребители медийной продукции.

Стоит отметить, что признание за СМИ и Интернетом статуса производителей гиперреальности не отрицает возможности определения виртуальной реальности медиа как реальной виртуальности: будучи частью общей медиасреды, в которую входит и социальная реальность повседневности, гиперреальность симулякров – это тоже реальная виртуальность. Мы допускаем двойную трактовку термина «медиа реальность». В широком смысле, медиасреда (медиа реальность) включает в себя массмедиа и всю повседневную реальность как реальность знаков и символов (а точнее, «следов вещей, знаков и символов»), в узком же понимании, медиа реальность – это собственно массмедиа, охватывающие собой практически всю сферу современной индустрии духовного производства и являющиеся источником производства, обмена и распределения информации. Таким образом, статусом реальной виртуальности обладает как сама повседневность, так и массмедиа, если опираться на широкое определение медиасреды.

Для более полного понимания тонкостей взаимоотношений реального и виртуального обратимся к работе Ж. Деррида «Призраки Маркса» (“Spectres de Marx”). Традиционное понимание призрака как того нечто, которое остаётся после смерти, переосмысливается в контексте подмены виртуальным реальным. Призрак есть то, что никогда не существовало как живое, а уже изначально было мёртвым, но в этом состоит его неуязвимость. Классический пример призрака Маркса – это коммунизм, который никогда не возникал и не возникнет, но всегда уже есть в потенции, виртуально. Новизна идеи призрачности, таким образом, состоит в том, что призрак наделяется статусом реального: в ситуации реальной виртуальности повседневности, калейдоскопе сменяющих друг друга симулякров не являются призрачными только сами призраки. Призрачное есть то, что в условиях символического мира культуры находится за его пределами, это нечто сокрытое, не подвергаемое симулякризации, то есть Реальное.

Как мы можем понять из самого названия, «Призраки Маркса» посвящены посмертным судьбам Маркса, его произведений, марксизма как учения, то есть сама фигура Маркса предстает для Деррида как философский персонаж. На наш взгляд, эта персонажность Маркса выражается в том, что у него не один призрак, как у «нормального человека» после смерти, а несколько, и это Деррида не раз отмечает в ходе повествования. «Призраки Маркса. Но почему мы говорим во множественном числе? Что мы получаем от этого? Больше одного может

означать толпу или массу, орду или общество или любую группу людей-фантомов с лидером или без...»¹ (“Les spectres de Marx. Pourquoi ce pluriel? Y en aurait-il plus d’un? Plus d’un, cela peut signifier une foule, sinon des masses, la horde ou la société, ou encore quelque population de fantômes avec ou sans peuple...”) [3, p. 21]. Маркс, таким образом, будучи философским персонажем, есть уже нечто большее, чем человек; в его персонажность включён и марксизм, у которого не может быть одного призрака, поскольку это философское учение.

Однако начинается работа Деррида не с рассуждений о судьбе Маркса и марксизма, а, как ни странно, с загадки о том, как соотносятся жизнь, смерть и философия. Что примечательно, дальнейшие рассуждения представляют собой доказательство того, что марксизм – это вечное разгадывание этой загадки, но сам Деррида об этом напрямую не говорит: для него Маркс в данном случае – фигура умолчания. Что значит научиться жизни? Для Деррида это абсурд: жизни нельзя научиться, потому что нельзя сделать её внешней по отношению к себе. Ей можно научиться только у смерти или у Другого, а ещё лучше у Другого, знающего смерть в лицо, то есть у призрака. И здесь нет никакой мистики, ведь все мы, живущие здесь и сейчас, – одинокие призраки по отношению к нам самим, но «прошлым» и вообще по отношению к прошлому и к присутствию как таковому. Нетрудно заметить здесь влияние феноменологии Э. Левинаса (см. [4]).

В чём же заслуга Маркса и марксизма, с точки зрения Деррида? Во-первых, в том, что Маркс указал на реальных призраков капиталистического общества, во-вторых, марксизм уже давно осуществлял то, что стало модным среди интеллектуалов конца XX – начала XXI века, – рассуждения о конце истории, философии, человека (отсылка к Фукуяме). «За что? Вот главный сейчас вопрос, вопрос о конце... эсхатологические темы о конце истории, о конце марксизма, о конце философии... мучают нас уже более пятидесяти лет» (“Pourquoi? C’était la même question, déjà, comme question finale... les thèmes eschatologiques de la “fin de l’histoire”, de la “fin du marxisme”, de la “fin de la philosophie”, des “fins de l’homme”, du “dernier homme”, etc., étaient, dans les années 1950, il y a 40 ans, notre pain quotidien”) [3, p. 37].

Таким образом, Деррида считает, что апокалипсические нотки в современной философии обязаны своим существованием именно марксизму, призраки которого приучили культуру к мысли о неминуемой катастрофе. Начало новому мироощущению, согласно Деррида, было положено толкованием общества середины XIX века как неистинного, химерического, абсурдного, призрачного, движимого иллюзией денег как самой реальной реальности. Согласно проекту марксизма на смену этому обществу призраков должно было прийти общество живых, но гений Маркса не установил строгих временных рамок этого события, и Деррида делает поразительный вывод: призрак коммунизма – это не нечто, оставшееся после чего-то живого; коммунизм уже родился призраком, он никогда не бытийствовал. Однако, не только в «Манифесте» Деррида находит призраков, они есть и в «Капитале», и в «Немецкой идеологии» – химеры товарного фетишизма.

¹ Здесь и далее перевод цитат наш.

Итак, какой же итог подводит Деррида? Обращение именно к наследию Маркса и марксизма может помочь современной философии в решении задачи развенчания логоцентристского дискурса западной культуры. Маркс не просто признавал призрачность старого общества, но и предлагал то, как можно перейти к обществу без призраков, обществу Бытия; он искренне в это верил и, тем самым, задал тон всей последующей западной философии (см. [5, с. 123]). В нынешней же ситуации, когда тема конца и смерти стала одной из ключевых, марксизм как никогда современен, и даже то, что ссылки на Маркса остаются за кулисами рассуждений постмодернистов, подчёркивает его авторитетность – он фигура умолчания, философский персонаж, живущий призрак, с которым нельзя не считаться, потому что его *plus d'un*.

Предположим, что виртуализация современной действительности – это один из призраков Маркса. Это в данном случае означает, что мы живём в мире виртуальных отношений и связей и принимаем это, пусть не без доли иронии и в игровой форме, но за аксиому: виртуализация – «формальная логика товара, доведённая до конечных выводов» (“*la logique formelle de la marchandise menée aux conclusions finales*”) [6, p. 101] и предсказанная Марксом. Кстати, к слову об игре: возникают сомнения по поводу того, можно ли вообще как-то воспринимать то или иное явление повседневности общества постмодерна иначе, как игру. Почему эти сомнения имеют место? Игровое начало – неотъемлемый атрибут любых связей и отношений независимо от исторической эпохи, но только в обществе постмодерна люди в игре прячутся от реальности и, что самое удивительное, находят для себя в ней Реальное. Возникает феномен игры без игры – симуляция игры. Примерами могут быть те же компьютерные игры или современный 3D-кинематограф, которые не симулируют реальность, они её создают, позволяют убежать от виртуальной реальности повседневности – играя в компьютерные игры, люди не играют. Виртуальные миры компьютерных игр гораздо более реальны, чем виртуальный характер взаимоотношений вещей, явлений и людей в обществе постмодерна, и в этом заключается один из парадоксов, когда стирается граница между виртуальным и не виртуальным.

Сделаем в связи с этим ещё одно предположение: медиареальность со всем комплексом медиаресурсов представляет собой основной и единственный источник производства и воспроизводства реальности в обществе реальной виртуальности. Да, именно реальности, а не виртуальности: медиапродукты прежде всего используются как средства ухода от реальной виртуальности повседневности, то есть как аналоги трансценденции к Реальному. Мы всегда бежим от одной реальности к другой, но первая реальность – это повседневность, которой правит абстракция (снова Маркс), а в нашем случае – виртуальность, а реальность вторая – это Реальное – манящий идеал, но приближаться к нему мы можем только с помощью медиа. Виртуальные миры медиа, таким образом, предстают как виртуальные, скрывая в себе Реальное и оставляя место для субстрата, а повседневная чувственная реальность есть самое настоящее виртуальное, абстрактное знаковое поле. Проблема состоит лишь в том, что строго делить реальности на «мир повседневности вокруг нас» и «миры медиа» нельзя, и поэтому Реальное опять от нас ускользает. И если трудно сомневаться в виртуальности повседневного бытия со всеми его победами знака над вещью и в реальности

виртуальных медиапродуктов, то большое сомнение вызывает то, что именно медиа творят Реальное.

Выходит, что медиапродукты – это единственная надежда современного человека спастись от несовершенства мира, его окружающего, особенно от состояния отчуждения, на наш взгляд, корня всех бед каждой индивидуальной экзистенции. Этот вывод неоднозначен, но и не случаен, ведь трудно поспорить с тем, что кроме медиареальности никакой другой реальности для человека не существует (если медиа понимать в широком смысле как знаковое поле как таковое), а значит, и Реальное он может искать только в медиареальности. Даже если медиареальность понимать в узком смысле слова как весь комплекс масс-медийных структур, включая Интернет, то здесь факты говорят сами за себя: люди развлекаются, потребляя медиапродукты, а развлечение для большинства есть бегство от унылой повседневности, источник счастья; пусть и не долгосрочного, но ощущения себя *реально* существующим. Философы-постмодернисты и теоретики современного общества: С. Жижек, Ж. Бодрийяр, Ж. Деррида, Р. Барт – формулируют свою точку зрения на проблему преодоления отчуждения в условиях общества постмодерна, и все они сходятся во мнении, что встреча с Реальным может происходить только во внезнаковой реальности – там, где нет медиа. Например, Р. Барт формулирует понятие «нулевой степени письма» [7], С. Жижек – «хрупкого Абсолюта» [8], Ж. Бодрийяр – «нейтрального предела деконструкции» [9], ну а что касается Ж. Деррида, то это, конечно, уже рассмотренные нами «призраки Маркса» и «прото-письмо» [10].

Перевёрнутый характер взаимоотношений реального и виртуального, когда социальная повседневная реальность абстрактна и виртуальна, как игра, а виртуальная реальность массмедиа конкретна и реальна, как живая жизнь, – вот та ситуация, в которой мы существуем. Реальная виртуальность жизни массы, которая *is the message*, не вызывает сомнения. Однако в трудах Ж. Деррида, Ж. Бодрийяра, Р. Барта и С. Жижека наряду с констатацией этого факта присутствует и то, что каждый из них называл по-своему: прото-письмом, внезнаковой реальностью, пределом деконструкции, нейтральным белым письмом, Реальным, ностальгией по Реальному, пустым пространством свободы, хрупким абсолютом, надеждой на обратное переворачивание действительности, освобождением от состояния отчуждения. Так или иначе, все эти конструкции – это языковая игра одного из призраков Маркса, необходимая ему для того, чтобы выжить в реалиях общества постмодерна. С нашей же точки зрения, корректным будет термин «постмедиа»: он объединяет в себе все понятия вышеназванных философов и обогащает их идеей проективности западного мышления (о чём говорит приставка *post-*). Постмедиа, как нам представляется, станет в ближайшее время одним из основных понятий медиафилософии.

Summary

L. V. Zhigunina. The Living Phantoms of the Real: On the Paradoxes of the Present Age.

The article is about the mechanism of mutual substitution of reality and virtuality in the context of postmodern society and about how media acquires the status of an independent reality and a keeper of the Real. We make an attempt to look at the problem of overcoming alienation in terms of the concept of phantom, which is comprehended as something non-illusory in the

conditions of real virtuality of everyday life. We come to the following conclusion: overcoming the state of dependence on media reality and meeting with the Real are possible only in an extrasign area, that is, in a situation of post-media.

Key words: real, everyday reality, virtual, media reality, media philosophy, phantom, Jacques Derrida, Karl Marx.

Литература

1. *McLuhan M., Fiore Q.* The Medium is the Massage: An Inventory of Effects. – N. Y.: Random House, 1967. – 157 p.
2. *Савчук В.В.* Медиафилософия: формирование дисциплины // Савчук В.В. Медиафилософия. Основные проблемы и понятия. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. филос. о-ва, 2008. – С. 7–39.
3. *Derrida J.* Spectres de Marx. – Paris: Éditions Galilée, 1993. – 256 p.
4. *Левинас Э.* Время и Другой. – URL: http://i-text.narod.ru/lib/levinas/levinas_vremya_i_drugoi.htm, свободный.
5. *Гурко Е.Н.* Тексты деконструкции. – Томск: Водолей, 1999. – 160 с.
6. *Vaudrillard J.* Le système des objets. – Paris: Gallimard, 1968. – 288 p.
7. *Барт Р.* Нулевая степень письма // Барт Р. Семиотика. – М.: Радуга, 1983. – С. 306–349.
8. *Жижек С.* Хрупкий абсолютизм, или Почему стоит бороться за христианское наследие. – М.: Худож. журн., 2003. – 178 с.
9. *Бодрийяр Ж.* Символический обмен и смерть. – М.: Добросвет, 2011. – 392 с.
10. *Деррида Ж.* Нечто, относящееся к грамматологии. – М.: Ad Marginem, 2000. – 511 с.

Поступила в редакцию
03.10.11

Жигунина Лира Владимировна – ассистент кафедры социальной философии Казанского (Приволжского) федерального университета.

E-mail: lira-zhigunina@yandex.ru